

Отступница

Автор:

[Anne Dar](#)

Отступница

Anne Dar

Дикий Металл #5

Группа из Неуязвимых, Уязвимых и трапперов, в состав которой входила Джекки, преодолевая препятствия добирается до Подгорного города. Теперь все они – новоприбывшие, обременённые акклиматизацией и растерянностью перед своей дальнейшей судьбой. Последний “живой” город даёт остаткам человечества надежду на возможность безопасного выживания в условиях необратимого краха и вселяет веру в возможность не просто приемлемое существование, но жизнь без страха перед будущим. Однако всякий действующий механизм имеет в себе незримые шестеренки, без потаённого существования которых его функционирование выглядело бы иначе или не было бы возможным вовсе. Войдя в город, Джекки становится одной из тех шестеренок, из-за приобретения которых механизм сначала незримо, а вскоре безвозвратно меняет направление своего привычного движения. Став новоприбывшей, Неуязвимая встречается лицом к лицу с множеством вариантов правды и, делая неизбежный выбор в пользу одного из них, теряет все остальные.

Anne Dar

Отступница

Посвящается N.

Глава 1

На первый взгляд мы остановились у массивного, неровного и со всех сторон обыкновенного камня, размером три на четыре метра. На самом же деле перед нами предстал искусно замаскированный глубоко в скальной породе проход. Этот высший уровень маскировки был из мира, существовавшего до Первой Атаки. Продвинутые технологии, в те времена доступные армиям лишь нескольких государств, среди которых значилась армия Канады. Кажущаяся зеркальной дверь – чистая сталь, покрытая отражающими окружающий мир элементами, пришедшими из нанотехнологий. Отражающему элементу не страшны ни проливные дожди, ни сильные морозы – теоретически, маскировка может продержаться не один век, прежде чем начнёт выдавать местоположение скрываемого объекта. В нашем случае от любопытных глаз был скрыт ведущий в Подгорный город проход. Его было не рассмотреть даже вблизи. Дополняло маскировку удачно подобранное место и точно выверенный ракурс: дверь располагалась под углом таким образом, что была как будто встроена в покрытый мхом камень, отчего возникало понимание, что она может вести только куда-то вниз, под сам камень, под землю. Только увидев этот проход я начала осознавать, что мы действительно добровольно желаем оказаться под грудой камней, сложенных в гору невозможной для нашего восприятия массы. От этой мысли у меня внезапно начал появляться хотя и едва ощутимый, но всё же психологический дискомфорт, который я, естественно, предпочла замаскировать не хуже, чем нанотехнологии представшую перед нами дверь.

Алое солнце неуклонно шло на закат. Его яркие, огненные лучи заливали моё лицо и творили с моими выкрашенными в бардовый цвет волосами нечто фантастическое: казалось, будто моя причёска сложилась из тысяч языков мифического, неземного, мягкого и одновременно способного ожечь пламени. Прищуриваясь от этого сияния, я убрала с глаз отросшую чёлку и посмотрела на гору, к которой мы с таким рвением стремились, на протяжении всего дня сделав лишь одну существенную остановку.

– Вы уверены, что этот вход ведёт именно в Подгорный город? – с подозрением отозвался Мускул, озвучив мысли как минимум половины членов нашего отряда, той, что была менее доверчива и в которой я состояла лишь одной ногой.

– До подножия горы ещё километров пять, не меньше, – поддержала своего мужчину Волос. – Город ведь называется Подгорным, а не Подпольным. То есть,

по логике, он должен располагаться где-то под горой, а не под полевой долиной, граничащей с дремучим лесом.

– А что ты ожидала увидеть? – отозвался Айзек. – Величественные ворота в самом центре горы, горящие в лучах рассветных и закатных солнц? У нас есть такие. Для зевак и отвлекающего манёвра на случай нападения. Реальных же проходов, тех, которыми пользуются добровольческие отряды, несколько: все они располагаются на почтительном расстоянии от центра города и все до единого хорошо замаскированы.

Слова Айзека мало успокаивали людей, привыкших к фантомным подножкам судьбы, материализующимся во вполне реальные и зачастую крайне подлые подножки со стороны себе подобных. Согласно нашей одичавшей логике, нас сейчас запросто могут загнать под землю с целью убить. Или продать в рабство. Или лишить свободы. Или ради любого другого мотива, не светящего нам ничем радужным. Однако, наблюдая за Конаном в течение последних нескольких дней, я почему-то пришла к выводу, что моё недоверие ему ровно на один процент слабее доверия. Именно этот один процент и удерживал сейчас меня от беспокойных вопросов вслух, от которых не удержались Мускул с Волос.

Пока все следили за мимикой Айзека, вещающего о тайных проходах в Подземный город, я пристально наблюдала за его старшим братом. Подойдя к камню, Конан положил свою руку на один из его многочисленных, совершенно ничем не примечательных выступов, и вдруг место, к которому он приложил руку, замигало голубым огоньком. С момента, когда Конан оторвал свою руку, прошло всего несколько секунд, по истечению которых из камня внезапно раздался отчётливый, совершенно реальный и иллюзорно близкий мужской баритон:

– Ветреная ли сегодня погода? – задал максимально неожиданный вопрос голос, что заставило меня проморгаться от растерянности.

Прежде чем я успела оценить степень ветрености сегодняшнего дня, Конан ответил:

– Ветер царствует на севере.

Ещё до того, как я успела дать оценку всему услышанному, потайная дверь перед нами исчезла – просто отодвинулась в камень! Перед нами предстала длинная лестница, ведущая под землю по диагональной линии и переходящая в неестественно белоснежный коридор. Словно в больничный. Подобная ассоциация заставила меня гулко сглотнуть и окончательно примкнуть к скептической части нашей скромной группы.

Конан вдруг выхватил мой взгляд, беспокойно бегающий по камню, лестнице и виднеющемуся вдалеке, белому коридору. В момент, когда наши взгляды пересеклись, он выразительно приподнял свои густые брови, будто желая своей мимикой передать мне сообщение о том, что всё будет в порядке.

– Ты ведь этого хотела: попасть в Подгорный город. Поздравляю, ты добралась до своей цели. Так что... Добро пожаловать в новую реальность.

Глава 2

Первым спускаться вниз начал Конан. За ним, чтобы не терять лицо, не колебаясь последовала я. После двинулись и все остальные.

Сначала мы спустились по лестнице без перил, в которой я насчитала двадцать пять широких ступеней, затем начали двигаться по залитому неприятно ярким, голубоватым светом коридору, от потолка до пола выложенному шершавой, крупной, белокаменной плиткой. Коридор оказался шире и выше, чем казался с высоты лестницы, но оборачиваться, чтобы сравнить разницу ракурсов, я не стала: сердце и без того колотилось в горле – не хотелось ещё случайно увидеть, как сердца Лив с Кеем, следующих за мной след в след, так же колотятся вне их грудных клеток.

– И всё же ты мне так и не доверилась, – вдруг обернувшись, при этом не сбавляя шага, обратился ко мне Конан.

– Уважение и доверие – это то, что заслуживают, а не то, что получают в подарок, – прищурилась в ответ я.

– Значит к концу этого дня у меня в кармане будет как минимум одна заслуга.

Констатировав понятную только для него истину, Данн начал сбавлять шаг, и вскоре я заметила причину его замедления: дальнейший проход через коридор преграждала бронированная вахта, переход через которую венчал арочный металлодетектор. С противоположной стороны металлодетектора стоял высокий, широкоплечий, бритоголовый мужчина лет пятидесяти, выражение лица которого портили театрально серьёзная мимика и рваный шрам над правой бровью. Одет он был в камуфляжную военную форму и в целом выглядел достаточно устрашающе, чтобы не желать встречаться с ним продолжительным взглядом.

– Близнецы Данн! – неожиданно радушно, как для своей внешности, начал вахтёр. – А мы-то уже думали, что больше вас не увидим, – с этими словами мужчина вышел за пределы вахты и пожал руку Конану, после чего стал ожидать, когда с хвоста группы к нему подтянется Айзек.

– Не дождёшься, Гаррет, – отозвался откуда-то сзади Айзек.

– В этот раз вы сильно задержались, ваш дед уже начал переживать, – с этими словами Гаррет окинул нашу группу продолжительным взглядом. – Со времён Первого года после Первой Атаки не видел такого количества людей одной группой! Все Неуязвимые?

– Четверо Неуязвимых, одна Уязвимая и шестеро трапперов, – уверенным басом ответил неожиданно возникший рядом со мной Мускул.

– Сорок процентов успеха, значит, – хмыкнул Гаррет, явно подразумевая под успехом Неуязвимых, а значит всех остальных он уверенно отмёл в неприглядную сторону. Я только успела подумать, что бы это могло значить для обеих сторон – “успешной” и “неуспешной” – как Гаррет, в упор смотря на Мускула, добавил тоном бывалого военного: – Вот вам дельный совет: не болтайте о своём трапперском прошлом. У нас в городе таких полно водится. Трапперское прошлое здесь не приветствуется и даже Неуязвимых, связанных с трапперами, бывает, серьёзно недолюбливают. Так что прикусите языки. Для своего же блага.

– Для всех вы либо Неуязвимые, либо Уязвимые, но не трапперы и не те, кто с ними может быть знаком, – более лояльно обратился к нам Конан. – Понятно?

В ответ все немо закивали головами, кто-то за моей спиной тихо кашлянул в кулак. Я же отметила, что Гаррет сказал слова “у нас в городе”, что может означать... Что мы действительно проходим в настоящий город! И ещё он попросил нас не болтать о своём прошлом, что может говорить о том, что нам будет предоставлена возможность болтать что угодно, а значит мы будем свободны, то есть в клетках нас не позапирают...

– А теперь сдаём оружие, – вдруг выдал вахтёр, моментально обрубив мои лишь начавшие зарождаться, положительные подозрения. – Выбрасываете всё оружие, от огнестрельного до колюще-режущего, вот в этот стальной ящик. Остальные вещи пропускаете по ленте для досмотра. Сами проходите через металлодетектор. Всё понятно?

А вот на это “всё понятно?” уже согласно не закивал никто.

Я буквально слышала, как замерло дыхание каждого стоящего за моей спиной.

Об этом мы не договаривались. Добровольно обезоружиться?.. Что за...

– Джекки, будешь первой? – повёл бровью Конан. При этом он своё оружие явно не собирался откладывать в обозначенный ящик. Хотя, если не забывать деталей, его оружие сейчас находится как раз в моих руках – в его руках удерживается оружие Айзека. Хороший психологический ход: отдать мне своё оружие, чтобы вызвать во мне доверие, а затем, сыграв на нём, заполучить меня, и заодно всех идущих за мной, без боя.

Все ждали от меня действия или ответа. Наконец, тяжело вздохнув, я сняла с плеча оружие и, протянув его в сторону ящика, аккуратно установила его в обозначенном месте, после чего, на выдохе, оторвала от него свои холодные пальцы.

– Отлично. Теперь остальные, – пробасил Гаррет, пока я продолжала неотрывно смотреть в глаза Конана.

– Если это ловушка, я тебя из-под земли достану, – пропустила полушёпот сквозь зубы я, забирая с движущейся ленты свой любимый ремень с тяжеловесной металлической пряжкой.

– Из-под земли достанешь? В данном случае это звучит буквально, – в ответ усмехнулся Конан. – А если это не ловушка?

– Тогда спасибо.

– Спасибо и всё?

– А ты что хотел? Медаль? – уже заправляя ремень в штаны, с вызовом посмотрела на собеседника я.

За спиной запищал металлоискатель. Обернувшись, я увидела, как Крик возвращают на повторный досмотр.

– Я бы хотел, чтобы ты была хоть чуть милее со мной, – самоуверенно добросил в мою сторону Данн.

Я вновь посмотрела на него:

– Чуть милее? Ну-ну... Не в ту сторону смотришь. Хочешь чуть милее – вон, можешь начинать смотреть хотя бы в том направлении, – я кивнула в сторону боязливо прошмыгнувшей через металлодетектор Сомнение.

В этот момент я не хотела видеть выражения его лица, не желая в очередной раз лицезреть его наглую ухмылку, поэтому отошла дожидаться Лив с Кеем чуть в сторону.

В целом с прохождением через металлодетектор и с пропуском личных вещей по ленте досмотра мы справились примерно за десять минут. Огнестрелы, ножи, патроны и даже заточки мы скинули ещё до металлодетектора, сейчас же нас

трясли на остатки вооружения, что всех сильно нервировало. Тонкому пришлось проходить металлодетектор дважды и в итоге избавиться от миниатюрного штопора, лежащего в кармане его рубашки, Крик же и вовсе смогла пройти это испытание лишь с пятого раза, пока Волос буквально в ручную не вытряхнула из неё все до последней заточки. Нервно наблюдая за этим добровольным обезоруживанием, я скрестила руки на груди, а уже стоящая рядом со мной Лив вновь принялась грызть остатки своего разноцветного маникюра.

– Почему этот Гаррет назвал тебя с Айзеком близнецами? – не отрывая пальцев от губ, обратилась сестра к стоящему чуть правее нас Конану. – Внешне вы точно никакие не близнецы, да и ты, вроде как, старше Айзека на пару лет.

– Мы оба близнецы по знаку зодиака, – вместо Конана ответил прошедший только что через металлодетектор Айзек. – Конан майский, а я июньский.

В ответ на это Лив невразумительно хмыкнула, продолжая смотреть “сквозь” отвечающего, словно не замечая его присутствия. В этот момент я обратила внимание на выражение лица Айзека: оно хотя и сильно отличалось, но всё же в чём-то было похожем на то выражение, с которым обычно смотрел на меня Конан, когда я давала ему отпор. То есть: Айзек смотрел на Лив с интересом. Это, почему-то, меня едва уловимо, совсем чуть-чуть, но дёрнуло.

Дальше Гаррет усадил нас в транспортное средство, напоминающее паровоз в миниатюре, с колёсами и без крыши. Мест в этой машине было пятнадцать: люди рассаживались по трое друг за другом. Айзек с Конаном разместились впереди, рядом с водителем, я, Кей и Лив заняли места сразу за ними, остальные распределились позади.

Мы ехали достаточно быстро для закрытого помещения – двадцать километров в час. Я отметила, что коридор неизменно уходит вниз, всё глубже под землю. В общей сложности поездка продлилась не меньше пяти минут. На протяжении всего пути я не заметила в стенах коридора ни единой двери, зато на финише нас ожидала именно дверь. На первый взгляд совершенно обычная. Однако над ней крупными буквами, салатным цветом высвечивалась не очень дружелюбная надпись. Написано над дверью было не “Добро пожаловать” и даже не “Вход”.

– Дезинфекционная зона? – первой подала голос Лив. – Что это значит?!

Глава 3

Дезинфекция подразумевала собой нехитрый и не самый приятный процесс. Каждый из новоприбывших должен был зайти в одну из двадцати уединенных кабин, установленных в общей квадратной комнате, раздеться до нижнего белья, положить одежду на движущуюся ленту, после перейти в следующую кабину, пройти до двери напротив через потоки холодного пара, выйти в следующую комнату и одеться в свою доехавшую по ленте одежду, прошедшую ту же процедуру. Исходя из инструкции, таким образом нас избавляли от блох и любых иных паразитов, грибка и вообще всех возможных внешних угроз, которые мы потенциально могли бы перенести из внешнего мира в город. Мы с Лив никогда не страдали от блох, так как раз в несколько месяцев красили волосы, а вот девушки из коалиции вызывали у меня подозрения на этот счёт: Крик с Сомнением часто запускали пальцы в волосы с явным желанием почесаться, хотя подобного телодвижения я не замечала за Волос. Что же касается других неприятных аспектов: грибками или чем-то наподобие этого я, к счастью, тоже никогда не страдала, так что дезинфекцию прошла скорее для получения обязательной галочки, нежели не для пользы.

Спокойно одевшись в кабинке без пара, я вышла в общий коридор. Здесь уже стояли Лив, Крик, Тонкий и Дэвид. Остальные, очевидно, всё ещё копошились в своих кабинках.

– Я всё в той же грязной одежде и на моей шее всё та же корка почерневшего пота, – шмыгнула носом Лив, обняв себя за голые плечи. – Что изменилось? Я не чувствую себя чище, только замёрзла почём зря. Или наша грязь уже обеззаражена и может считаться чистой?

– Чистая грязь? – задорно усмехнулась рыжеволосая Крик. – Забавное противоречие.

– Лучше бы нам выдали мыло с мочалкой, – согласился Тонкий. – От этого было бы больше пользы.

По моим ощущениям я была согласна с каждым из них: вроде полностью продезинфицированная, то есть обеззараженная практически под ноль, и в то

же время всё ещё грязная. Странное ощущение. Словно тактильный обман испытываешь на себе.

Но испытывать его нам пришлось недолго.

Через пять минут из своих кабинок повыходили все остальные члены отряда, за исключением Конана и Айзека, после чего в коридор вошёл Гаррет, тоже прошедший дезинфекцию. Сразу же испытал нервное напряжение, я поинтересовалась у военного тем, куда запропалились братья Данн, но ответ получила невразумительный: будто они прошли через дезинфекционные кабинки в другом помещении. Однако никакого другого помещения или хотя бы входа в него я ни здесь, ни по пути сюда не видела.

В любом случае, ни Конан, ни Айзек в итоге так и не объявились. Нам же выдали наручные браслеты из синей резины с миниатюрным цифровым экранчиком. На моём браслете были выгравированы цифры 812.

– Эти браслеты – ключи от ваших капсульных номеров, – начал просвещение Гаррет.

– Что ещё за капсульные номера? – в ответ пробасил Мускул.

– Можете называть их вашими комнатами или квартирами. Как вашей душе угодно. Советую не терять эти штуки – потеря дорого обойдётся. Наденьте их на руки и не снимайте даже в душе. Можете не переживать – они непромокаемы.

– Кстати по поводу душа, – на сей раз слово взял Рейнджер. – Было бы неплохо начать нашу экскурсию именно с этой достопримечательности.

– Повезло, что наши желания совпадают, – с ответной улыбкой ответил Гаррет, после чего сопроводил нас в следующий коридор.

Мы оказались в комнате, напоминающей ту, в которой мы только что были: такие же светлые стены и тёмный пол, такое же освещение, такие же кабинки, только с существенной разницей – они были не дезинфекционными, а душевыми. Здесь мы увидели первых жителей, точнее жительниц, Подгорного города, если не брать в расчёт Гаррета. Пять уборщиц в серо-голубых брючных форменных

костюмах раздали нам халаты, полотенца, безразмерное нижнее бельё, тапочки, мыло, шампуни, мочалки, зубные щетки и пасту, бритвы и даже расчески. Халаты и два больших полотенца были настолько стерильно чистыми и пушистыми, что мне было неловко держать их своими закоревшими от грязи и крови на костяшках пальцами.

Нас попросили раздеться в кабинках и оставить одежду там же: её заберут в химчистку и отдадут нам спустя несколько часов, вместе с одним новым комплектом одежды. Вместо же одежды в ближайшие часы мы будем ограничены халатами и нижним бельём, которые нам выдали. После душа нам нужно будет выйти в противоположную входной дверь и очутиться в коридоре с какими-то ещё неизвестными нам капсулами. Далее мы должны будем отыскать каждый свою капсулу, расположиться в ней и отдыхать как минимум до тех пор, пока нам не поставят одежду, после чего... Мы сможем осмотреть Подгорный город.

Всё прозвучало не очень то и сложно. По крайней мере, это точно было легче всего того, что я пережила за последнюю неделю.

Мы начали следовать инструкции.

Я провела под горячим душем минимум полчаса: трижды вымыла голову шампунем, пахнувшим фиалками, раз десять чуть не содрала с себя кожу, пока водила по ней жёсткой мочалкой – никак не могла остановиться. Такого душа у меня не было последние десять лет моей слетевшей с рельс жизни! Вода была идеальной температуры, лилась большим и непрерывным потоком – сколько хочешь, столько мойся, хоть не останавливайся вообще! Не думала, что именно душ может принести мне столь сильный кайф. Думала, что может чашка горячего шоколада или музыка, которые в моей жизни отсутствовали так же долго, но чтобы душ... Принимая его я испытывала такое блаженство, что пару раз не выдержала и, запрокинув голову, простонала вслух. Горячие мыльные струи стекали по моим отточенным суровыми физическими нагрузками ногам и рукам так гипнотически, что моя кожа непроизвольно покрывалась мурашками... Кайф-кайф-кайф...

Из душа я, похоже, вышла последней. Протерев кожу насухо, я переступила линию сушильной зоны, в которой мои волосы высохли меньше чем за минуту. Ещё одно наслаждение. Только ради этих ощущений нам уже стоило тащиться сюда через кишасщие трапперами леса и горы.

Убедившись в том, что остальные кабинки давно уже пусты, я направилась к выходу и вскоре очутилась в белом коридоре, разделенном на множество секций. Указатели подсказывали, что всего здесь две тысячи капсул: в каждом проходе по сто штук. Побегав глазами по указателям, я быстро нашла расположение капсул 801-900, и двинулась в их направлении. Пока я шла прямо, я заглядывала в проходы и видела следующее: прямоугольные, закрытые капсулы стояли одна над одной в два этажа и своим видом напоминали диковинные соты. Стоило мне только завернуть за нужный мне угол, как я сразу же увидела Лив стоящей напротив одной из капсул. Я подошла к ней впритык:

- Нашла свою?

- Восемьсот одиннадцатая, - Лив ткнула пальцем на лестницу, ведущую к верхней капсуле. - Буду спать над тобой. Кей в восемьсот десятой. Все остальные тоже рядом: кто-то сбоку, кто-то напротив. Уже разошлись.

- Хорошо, - тяжело выдохнула я, ещё туже повязав на своей талии пояс халата.

- Хорошо ли? - в голосе сестры внезапно раздались подозрительные нотки, что заставило меня посмотреть на неё сверху вниз. Наши взгляды встретились.

- Восемьдесят процентов местного населения, которого мы до сих пор толком даже не видели - потенциальные трапперы! - нервно прошипела сестра. - Разве тебя это совсем не смущает? Залезем в эти капсулы, а нас там закроют, и всё - прощай навсегда!

- Тебе следует успокоиться, - попыталась искренне усмехнуться я. - Если бы нас хотели повязать, сделали бы это ещё на этапе входа сюда. Скорее всего, они даже толком не знают, кто такие трапперы.

- Да брось, мы ведь обе прекрасно понимаем, что ты просто пытаешься меня успокоить! Прекрати, я больше не ребёнок! Тот военный вахтёр, как его там...

Гаррет. Он ведь ясно дал понять, что всё они здесь прекрасно знают и про трапперов, и про их деятельность на поверхности. Что-то мне подсказывает, Джекки, что они в принципе знают гораздо больше, чем мы с тобой, находясь на их территории.

– Гаррет сказал, что трапперов здесь недолюбливают. К Неуязвимым же здесь, вроде как, напротив отношение хорошее. Выдохни и отдохни, Лив. Нам всем необходимо хотя бы немного расслабиться и поспать.

Словно не веря в реальность моих слов, Лив ещё несколько секунд сверлила меня широко распахнутым взглядом, после чего вдруг поспешно сорвалась с места и полезла вверх по лестнице, явно считая, будто я рискую неоправданно и, к тому же, склоняю неоправданно рисковать и её саму. Я знала, что она что-то вбила себе в голову, но что именно на сей раз – для меня это всегда сюрприз из табакерки. В этом лучше даже не пытаться копаться, пока оно само не вылезет наружу. А Лив умеет выталкивать наружу свои сюрпризы. Надеюсь, в этот раз она, по привычной схеме, вновь промахнётся со своими подсчётами. В противном случае нам всем крышка, потому как в действительности может оказаться, что я и вправду привела нас всех в руки трапперов. И всё же, после душа и при воспоминаниях, связанных с Конаном, мне не хотелось верить в плохое, а потому я решила пойти на риск и позволить себе расслабиться. Чуть ли не впервые за последнее десятилетие своей рискованной жизни приняла столь безбашенное решение и приняла его с неожиданной лёгкостью, которую, скорее всего, спутала с банальной усталостью.

По примеру Лив приложив свой браслет к углу капсулы, я несколько секунд наблюдала за тем, как медленно открывается стекло моего номера. Когда оно наконец открылось, передо мной предстало странное помещение, больше напоминающее трехспальную кровать с потолком и стенами. Сняв с ног тапочки и засунув их в свободное пространство под капсулой, я залезла в самую капсулу, приложила свой браслет к уже известному углу и стала наблюдать за плавным закрытием стекла. Когда оно наконец закрылось, на нём вдруг появилось сенсорное предложение перевести стекло в ночной режим. Из интереса я приняла это предложение, после чего стекло моментально затемнилось, а по периметру потолка засветилась тёплым светом неоновая лента. От этого света сразу же стало уютнее.

Я начала осматриваться.

Капсульный номер представлял собой небольшое помещение, в котором в длину мог свободно разместиться двухметровый человек, в ширину же здесь могли лечь три человека, а в высоту... Я сидела свободно, но встать на ноги не могла себе позволить – низкий потолок не был рассчитан на такую вольность. После оценки размеров помещения я начала присматриваться к мелочам, каждая из которых была встроена в корпус капсулы. Увидела включенную вентиляцию, кондиционер, электронный журнал, телефон, сенсорный экран. Мой взгляд остановился на застеклённой полке, в которой было установлено пять полулитровых бутылок с питьевой водой. Бутилированная вода – роскошь, покруче сенсорных панелей. Впрочем, что бы со мной ни произошло удивительного из положительного, всему подобному срок годности будет одно десятилетие. Дважды стукнув сбитыми костяшками пальцев по стеклу, я дождалась, когда оно откроется, и аккуратно взяла в руки одну из пяти стеклянных бутылочек. Она оказалась полностью закупоренной. Я не верила своим глазам. Сидела и пялилась на бутылку в своих руках, пока наконец жажда не взяла верх над восторгом.

Сделав несколько жадных глотков, я с трепетом закрутила пробку и засунула бутылку назад в полку – привычка экономить уже давно переросла во что-то вредное, но необходимое в моём мире. Стекло полки самостоятельно задвинулось. Отведя от этого чуда взгляд, я вновь вернула своё внимание к сенсорному экрану. Теперь я хорошо рассмотрела изображённую на нём картинку: благородный профиль седовласого старика смотрел куда-то вверх. Этот старик был одет в строгий деловой костюм, который придавал его и без того идеализированному образу лишней солидности. Под его локтями были написаны следующие слова: “Президент позаботится о вашем безопасном будущем”.

Сдвинув брови, я вновь вернула взгляд к лицу старика и на сей раз узнала в нём Ригана Данна. Неудивительно, что я не узнала его с первого раза: с тех пор, как я в последний раз видела его по телевидению мира до Первой Атаки, он заметно постарел и поседел до полной белизны волос. Уважаемый человек в прошлом мире и, похоже, не менее уважаемый в новом мире. Он смог сохранить этот город в мире, в котором больше не осталось ни одного уцелевшего города – каким этот человек может быть, если не великим?

Я решила не выключать экран – так сильно отвыкла от голубоватого электронного свечения, что теперь было приятно вновь обрести его, да ещё и в лице человека, заботящегося о всеобщем безопасном будущем.

Сидя на мягком матрасе, я оттягивала тот момент, когда наконец позволю себе рухнуть на подушки, поэтому когда моя голова наконец соприкоснулась с первой из трёх подушек, я не сдержалась и блаженно ахнула вслух. Огромное одеяло, простынь и подушки хрустели от чистоты, матрас приятно пружинил... В первые секунды я даже думала, что расплачусь при воспоминаниях о том, как ещё недавно не предполагала, будто подобная роскошь может ещё хоть раз материализоваться в моей реальности. Но расплакаться я не успела. Провалилась в сон ещё до того, как приподняла руку, чтобы выключить потолочную подсветку.

Кажется, я даже во сне не могла поверить в правдивость свалившегося на нас счастья. Но всё происходящее было чистой правдой. Я осознавала это даже сквозь пелену сна. Чувствовала кожей.

Глава 4

В это было сложно поверить, но я действительно проспала целых пятнадцать часов. Мне ничего не снилось, во сне я даже как будто бы мало шевелилась – мой организм просто жаждал продолжать спать вплоть до онемения всех до единой мышц. Около восьми часов утра меня разбудила уборщица, принеся из химчистки мою одежду и ещё один запасной комплект одежды моего размера, в который входило сразу несколько наборов нижнего белья. Приняв одежду, я отложила её в дальний угол капсулы, после чего сделала пару глотков воды из уже открытой бутылки и попыталась убедить себя начать бодрое утро, но вновь приложившись к подушке так и не смогла добровольно оторваться от неё. Стены капсулы, даже та, что была стеклянной, были звукопоглощающими, так что бурление бодрствующего мира снаружи совершенно не мешало мне спать. По крайней мере до тех пор, пока в мою дверь не прилетело несколько глухих, но достаточно уверенных ударов, которые обычно могут возникать при соприкосновении костяшек пальцев со стеклянной поверхностью.

Открыв глаза, я сначала не поняла, где нахожусь, а когда наконец разобралась, почувствовала столь сильное онемение в мышцах, что едва смогла с первого раза разогнуть ноги и руки. Больше всего, конечно, гудели уставшие после тяжелого похода ноги и сбитые о лицо траппера кулаки. Жажда употребления жидкости выросла минимум в три раза с момента моего предыдущего

пробуждения... Я потянулась и начала моргать, как вдруг звук, разбудивший меня, повторился.

Отбросив одеяло и опершись на левое предплечье, я слегка приоткрыла стеклянную стену. Режущее белым цветом освещение коридора мгновенно полоснуло по моим глазам, отчего я непроизвольно сильно сощурилась, практически полностью закрыв глаза. Именно в этот момент прямо передо мной возникло лицо слегка пригнувшегося к моему уровню Конана:

- Проснись и пойдёшь!

- Ч-что?.. Что так громко-то?.. - мученически простонала я.

- О-о-о... Ты что, месяц не спала?

- Годы, Конан. Я не спала годы.

- Уже два часа дня. Есть хочешь?

- Ужасно сильно, - с неприязнью призналась я, ощутив, как при упоминании еды у меня резко сжался желудок.

- Я знаю, где можно хорошо покормить тебя. Но для начала тебе необходимо пройти медицинский осмотр. Все, за исключением тебя, уже прошли его.

- Какой ещё нужен медицинский осмотр, Конан? Нас ведь вчера продезинфицировали - этого что, недостаточно?

В ответ он только рассмеялся мне в лицо, что заставило меня всерьёз нахмуриться и закрыть перед носом незваного гостя дверь.

Меньше чем через пять минут я была готова к выходу из капсулы. Но готова я была только внешне. Внутренне я немного сомневалась в своей готовности, хотя и предвкушала встречу с новым внешним миром.

Сидя в стоматологическом кресле с широко распахнутым ртом, я смотрела на мир через специальные, похожие на солнцезащитные очки, защищающие мои глаза от висящих над моей головой, слепящих лампочек. Стоматолог, мужчина лет сорока, рассматривал мои зубы уже несколько секунд, и с каждой секундой его глаза всё больше округлялись:

– Надо же! – вдруг с восторженной ноты заговорил он. – Какие хорошие зубы! – с этими словами он отошёл от моего кресла и выключил лампочки, тем самым позволяя мне закрыть рот. – Давно не видел таких здоровых зубов, особенно у новоприбывших. Просто замечательные зубы.

– Ваши слова понравились бы трапперам, – усмехнувшись, сиронизировала я, но доктор явно не понял моего юмора. Напротив, ему словно не понравилась моя шутка, отчего он поспешил отвести свой взгляд в сторону.

– Быстро ты, – заметил Конан, ожидающий меня перед кабинетом.

Мы вместе направились к двери следующего кабинета.

– Доктор сказал, что у меня замечательные зубы. Я сиронизировала, ответив на это замечание мыслью о том, что эта информация понравилась бы трапперам. Кажется, моей иронии не поняли.

– Подгорный город в основном состоит из Уязвимых, которые на момент Первой Атаки находились здесь на службе, чуть меньше здесь Неуязвимых, а остальные – трапперы, которые всегда из пришлых. Согласно примерной статистике, процентное соотношение между этими тремя группами местного населения следующее: сорок пять процентов Уязвимые, тридцать пять процентов Неуязвимые и двадцать процентов бывшие трапперы. Конкретно у этого стоматолога родной брат был траппером. Несколько лет назад его якобы случайно не стало во время ремонтных работ на гидроэлектростанции.

– Якобы? В таком случае, что с ним произошло на самом деле?

– На самом деле поговаривают, будто его порешил один из новоприбывших Неуязвимых, у которого трапперы вырезали половину семьи.

От услышанного я незаметно для собеседника вздрогнула.

– Но это ведь самосуд.

– Поэтому информация о том, чем ты занимался до попадания в город, особенно если ты Уязвимый, здесь считается опасной, а потому по негласной, но логичной договорённости между всеми тремя группами населения, она тщательно скрывается.

От услышанного я неосознанно сдвинула брови:

– У меня закрадываются серьёзные сомнения относительно функциональности местной судебной системы.

– Забудь о ней. Она откровенно сильно хромот на обе ноги. Здесь властвует метод кнутов и пряников: если успеешь вовремя взять пряник, кнут не рассечёт твою руку. И так по кругу: ты будешь красть пряник и оставаться с целой рукой, либо сечь её снова и снова, и снова.

Я продолжила хмуриться. Значит, и здесь ведутся войны. Подпольные. То есть самые коварные.

Социум – самый неисправимый идиот из всех известных. На пьедестале он опережает даже любовь.

Мы остановились напротив кабинета, в котором происходил забор крови для общего анализа. Я уже хотела заходить в него, как вдруг передо мной прошмыгнула черноволосая девушка в белом халате. Распахнув настежь дверь кабинета и ловко закрепив её таким образом, чтобы она не закрылась повторно, она, не оборачиваясь, попросила меня проходить. Мне это показалось странным, но я лишь пожала плечами и зашла в кабинет.

Разместившись на стуле напротив медсестры, я свободно протянула ей левую руку и невольно посмотрела вперёд, туда, где в коридоре, скрестив руки на

груди и вне зоны видимости медсестры, стоял Конан. Он смотрел прямо на меня и, словив на себе мой взгляд, улыбнулся мне. В ответ я тоже улыбнулась, как вдруг медсестра с такой силой вогнула иглу в мою вену, даже не перевязанную по технике безопасности жгутом, что я резко закусил губу и повернула голову в её направлении. Она же, словно ни в чём не бывало, начала забор хлынувшей крови. Неосознанно я осмотрела её: выкрашенные в максимально чёрный цвет ровные волосы длиной до лопаток, небольшая грудь, но зато непропорционально большие губы, форма которых в мире до Первой Атаки была среди любимейших у падких на такого рода красоту мужчин. Я перевела взгляд на её бейдж: помощник доктора Сибилла Стоун.

Закончив забор крови из вены и с силой приложив к кровоточащей ране вату, она взялась за мой палец: проткнула его иглой с такой силой, будто планировала отрезать мне по меньшей мере фалангу. От боли я даже подпрыгнула на стуле.

– У вас какие-то проблемы? – сквозь зубы выдавила я, наблюдая за тем, как медсестра набирает в пипетку кровь.

– Никаких проблем, – метнула в меня взгляд Стоун, и я сразу же поняла, что на самом деле проблемы есть, и, кажется, вполне даже серьёзные, вот только в чём они могут заключаться, я даже приблизительно угадать не смогла. Критические дни?.. Размолвка с начальством?.. Диета?..

Выйдя из кабинета всерьёз порезанной и с окровавленными ватами в обеих руках, я с задором посмотрела на Конана и, криво ухмыльнувшись, процедила сквозь зубы:

– Стерва.

Утвердив диагноз неизвестной, я направилась дальше по коридору.

– Со склонностью к абьюзу и бесконтрольным истерикам.

– Вы знакомы? – удивлённо приподняла одну бровь я.

– Моя бывшая.

Я резко затормозила:

- Так выходит меня только что безжалостно полосовали из-за тебя?

- Похоже на то. - Я впервые увидела на его губах виноватую улыбку.

- Знаешь, получается, что Айзек был прав, когда говорил, что ты падок на стервозных особ, - с этими словами я продолжила идти дальше.

- Ты что, приписываешь себя к стервозным особам?

- Неплохая попытка, продвинутый, - не останавливаясь, сердито прижимала окровавленную вату к локтю я. - Но давай ты лучше поймёшь уже сейчас, чем будешь продолжать заблуждаться дальше: тебе ничего не светит.

Резко остановившись, Конан неожиданно одернул меня за уцелевшее предплечье, таким образом заставив остановиться и меня тоже:

- Давай-ка разберёмся с этим. - Я решила, будто он продолжает обсуждать поднятую тему, так что уже почти выдала свой колкий ответ с заранее заготовленной вызывающей интонацией, как вдруг он указал на дверь очередного кабинета. - Твои сбитые кулаки и порезы быстро залатают здесь. Заходи.

Глава 5

Лазерное восстановление эпидермиса, дермы и даже мышц стало широко применяться в медицине в конце восьмидесятых годов прошлого века. Прежде я никогда не видела этой технологии и тем более не испытывала её на себе, и считала, что все подобные изобретения канули в лету вместе со старым миром, но, как оказалось, они не канули. Мои сбитые до посинения и кровоподтёков кулаки, плюс неаккуратная работа помощника доктора Сибиллы Стоун, сгладились: места ранений обрели новую, розовую, похожую на младенческую кожу. И сразу же зачесались. Предупредив меня о необходимости воздержаться от чесания, доктор обработал беспокойные места мазью, моментально

снизившей уровень зуда, и наконец отпустил меня. С момента моего захода в кабинет до момента моего выхода из него с новой кожей прошло не более пятнадцати минут. Обычная биоинженерия, но по ощущениям всё равно что настоящее волшебство.

Кабинет лазерной хирургии был последним перед выходом из медицинского крыла, у которого меня всё ещё дожидался Конан. Раз не ушёл после высказанной мной позиции, значит парень из целеустремлённых. Это хорошо.

Перед тем, как пропустить меня в город через блокирующий турникет, медицинская сестра попросила меня протянуть руку в полупрозрачный цилиндр. Стоило мне это сделать, как на моей руке, рядом с ключом от капсульного номера, появился ещё один браслет: фиолетовый, с квадратом по центру, на котором были нарисованы две зигзагообразные линии, отдалённо напоминающие волны. Как только браслет закрепился на моём запястье, турникет передо мной поменял цвет с алого на зелёный, явно желая пропустить меня вперёд. Но теперь я не стремилась проходить. Мне необходимы были разъяснения.

- Что это? - подняв перед собой предплечье, обратилась к медсестре я.

- Отличительный браслет.

- И что он даёт?

- Ничего особенного. Просто показывает, кто вы по знаку зодиака. Фиолетовые браслеты носят воздушные знаки зодиака, синие - водные, оранжевые - огненные, коричневые - земляные. Рисунок на Вашем браслете - две волны - говорит о том, что вы водолей.

- Почему он не снимается? - сдвинув брови, я попыталась расстегнуть браслет, но у меня не получилось этого сделать.

- Он неснимающийся. Если повредите его - в качестве первого предупреждения вас могут оштрафовать на сто монет или обязать к выполнению двадцати часов общественных работ.

Вот он – во всём своём величии и во всей своей сияющей славе – социум!

Я уже хотела огрызнуться прямо в лицо этой благовидной дамы, но в наш познавательный диалог вовремя вмешался Конан. Он взял меня за плечи и буквально протолкнул через турникет, через который сначала специально вошёл, чтобы сопроводить меня на выход.

– Что это ещё за игрушки? – возмущённо спросила я, вытянув перед собой предплечье, на котором красовалось уже два браслета: от капсулы и от... От моего знака зодиака?

– Успокойся. Такие штуки есть у всех жителей города, – с этими словами он оголил своё предплечье и показал мне свой браслет. Его тоже был фиолетовым, но вместо волн на нём красовалась эмблема, обозначающая зодиакальный знак близнецов.

– И это должно меня успокоить? – не желала смиряться я. – Эти штуки очень сильно походят на ошейники. Или на наручники. В чём их смысл?

– В городе каждый человек на счету. Обыкновенная демографическая статистика.

– Правда? – откровенно неверяще фыркнула я. – Эти браслеты демонстрируют всем, кто ты есть: Неуязвимый или Уязвимый. А если это так, значит ваши власти сами же провоцируют травлю внутри общества. Ты ведь сам говорил, что трапперов здесь недолюбливают и даже приводил реальные примеры их антигуманного линчевания. Но как скрыть, что ты траппер, если ты новоприбывший с вот таким вот браслетом на руке, демонстрирующим всем прохожим твою непринадлежность к воздушным знакам зодиака? Ведь не все Уязвимые трапперы. Таких, конечно, очень мало, но ведь исключения есть. К примеру, Талия. Она Уязвимая, но не траппер, однако надев такой браслет на свою руку и при этом являясь новой горожанкой она всерьёз рискует закончить свою жизнь “несчастливым случаем”. Так в чём же логика?

– Носить одежду с длинными рукавами или скрывающие повязки не запрещено, – с этими словами Конан сам спрятал свой браслет под длинный рукав толстовки.

– Не нравится мне это, – наблюдая за его рукой, сдвинула брови я. – Похоже на вмешательство в частную жизнь.

– После десятилетия жизни в одичавших землях тебе ещё долго будет казаться подозрительным буквально всё, даже твоя новая постель.

Я задумалась над этими словами и практически сразу увидела в них толику правды. Помимо этого мне было странно услышать словосочетание “одичавшие земли”, которым он обозначил место моего прежнего жительства, то есть, вроде как, все территории, лежащие за границами этого города.

– Люди здесь с первого месяца после Первой Атаки начали пользоваться такими браслетами, – продолжал Данн. – Никого эти штуки ещё не искусили. Так что расслабься. Просто начни думать о чём-нибудь менее стрессовом.

– Да, кстати о снижении уровня стресса: ты обещал накормить меня, – спрятав руки в карманы штанов, напомнила я, при этом всё же не перестав хмуриться.

– Пойдём в мой любимый ресторан. Там такие супы и такую рыбу подают, что ты просто закачаешься.

Ну вот, ещё один штрих к общей картине моего недоверия: я действительно не поверила в то, что где-то среди этих бесконечных белых коридоров может отыскаться не то что столовая, но полноценный ресторан. Однако в результате он взял и отыскался. Как и сказал Конан.

Может быть всё же стоит почаще доверять этому человеку?..

Глава 6

Подгорный город был похож на огромный, отполированный и оттого блестящий чистотой торговый центр. Всё было выполнено в светлых тонах плитки – от молочного до бежевого, от серого до голубоватого и розоватого оттенков – изредка украшенной мелкими мозаиками из тёмных камней. Везде было много света, только по углам и у лифтов его становилось чуть меньше, отчего ближе к

стенам возникало ощущение большего комфорта, который я путала с защищенностью. Видимо Конан прав: я ещё не скоро начну чувствовать себя в безоговорочной безопасности. Если вообще когда-нибудь смогу...

Поднявшись на полэтажа выше медицинского крыла, мы оказались в большом холле и вскоре зашли в заведение с ностальгирующим названием “Древний бульвар”. Ресторан был просторным, с высокими потолками и панорамными окнами, открывающими вид на оставленный за нашими спинами холл: пешеходы медленно и быстро шагали, многие перемещались по специально отведенным зонам на моноколесах, электронных самокатах и портативных электромобилях, вмещающих в себя до четырёх человек. В этом месте буквально кипела жизнь. И для меня это открытие внезапно оказалось... Стрессом. За десятилетие отшельнической жизни я отвыкла от одного только вида толпы, не то что от ощущения своего пребывания в ней.

Мысли о том, почему я не отыскала это место хотя бы на несколько лет раньше, постепенно начинали точить подсознание...

– Эй, ты здесь? – Конан едва коснулся моей руки углом меню, отчего я непроизвольно вздрогнула.

– У вас действительно есть рестораны, – взяв в руки предлагаемое мне меню, выдохнула я.

– Тебя это действительно сильно удивляет, правда?

– Ты даже представить себе не сможешь насколько, – холодным тоном отозвалась я и, чтобы не сорваться на дрогнувшую эмоцию, закусилла нижнюю губу, и уставилась в меню, от которого мгновенно запестрело в глазах: цветные фотографии супов, главных блюд, десертов и напитков выглядели неправдоподобно красиво.

Конан заказал куриный суп, отварной картофель со стейком и травяной чай, я же взяла себе грибной суп, плов, пиццу, чашку горячего шоколада, о котором мечтала со времён Первой Атаки, малиновый чай и мороженое.

– Да ты сильно проголодалась, – усмехнулся Конан после того, как я закончила озвучивать свой заказ.

– Десятилетняя диета, – криво усмехнулась в ответ я, отдав официанту меню. – Расскажи мне о городе. Хочу узнать об этом месте как можно больше, – откинувшись на спинку стула, я поправила свои волосы – настолько чистые и ароматно пахнущие, что кажущиеся мне искусственным париком.

– Ладно. О том, что этот город бывшая военная база и что его население составляет приблизительно двести двадцать тысяч человек тебе уже известно. Давай пройдёмся немного по его строению, – с этими словами Конан вытащил из подставки в виде миниатюрной зеленой ящерицы три деревянные зубочистки. – Этот город похож на слоёный пирог. Он делится на три яруса, – с этими словами он начал раскладывать на столе передо мной зубочистки. – Внизу подгоревшая в духовке основа, в центре полезная начинка, а сверху калорийные сливки. На верхнем ярусе располагаются комфортабельные апартаменты, фешенебельные зоны отдыха и вообще всё, что напрямую связано с правительственными органами. На среднем этаже располагаются квартиры среднего класса и основная база рабочих мест: пекарни, кафетерии и рестораны, школа и детский сад.

– У вас даже школа с детским садом имеются? – удивилась я.

– Они не просто имеются – они забиты под завязку. Население города чувствует себя в достаточной безопасности, чтобы позволять себе заводить детей. Однако есть лимит: разрешено заводить не больше двух детей. За третьего ребёнка придётся платить серьёзный налог вплоть до его совершеннолетия. Исключением считаются случаи с тройняшками.

– И много у вас таких налогоплательщиков и исключений? – мне не понравилась эта схема, что не скрыл мой тон.

– Один процент родителей – налогоплательщики. Исключений всего два за всю историю существования города. Также под налог не попали семьи, в которых было больше двух детей до того, как этот закон вступил в силу.

– Как великодушно.

– Тебе может это не нравится, Джекки, но такова реальность: город не резиновый и на каждого жителя в год приходится едва подъёмная затрата

ресурсов.

- Ты сам себе противоречишь. Если всё действительно так и город переполнен, тогда зачем вы создали отряды добровольцев и продолжаете приводить сюда новых людей из одичавших земель?

- У нас стареющее население.

- Что это значит?

- Это значит, что у нас очень много пенсионеров, о которых необходимо заботиться на бюджетной основе, и много детей в возрасте до пятнадцати лет, но при этом значительно меньше людей в возрасте от шестнадцати до пятидесяти лет, среди которых продолжает держаться высокая статистика смертности: некоторые погибают в одичавших землях, многие чахнут из-за психологического состояния – это поколение лишилось не просто домов, но целого мира, им психологически сложнее, чем детям. Есть суицидники, есть сумасшедшие, есть просто сдавшиеся. Минимум дееспособных на максимум стариков и детей – это очень большая нагрузка. Поэтому мы пытаемся пополнять ресурсы города, приводя в него новых дееспособных людей. Да и не обольщайся, обычно мы приводим не так много людей. В год, может, всего пару десятков новоприбывших набирается. Ваша крупная группа – чистое исключение.

- Ты рассказал, что располагается на верхнем и среднем ярусе города. Что же находится на нижнем?

- Гаражи. Амбары. Склады. Несколько значных баров. Дешевые капсульные квартиры. Прачечные. Технические помещения. Входы и выходы из города на поверхность.

- Значит, всё по-старому: где есть сливки, там есть и отбросы.

- Жёстко, но, по сути, так и есть.

- Ты упомянул про заводы. У вас есть какое-то производство?

– Естественно есть. Если бы город только потреблял, он загнулся бы в первый же год после Первой Атаки.

– И что вы производите?

– Инженерия у нас на первом месте. Энергию получаем из разных источников, подведённых к военной базе ещё до Первой Атаки и обещающих продержаться в исправности пару ближайших столетий.

– А потом? Будущие поколения обречены на лишённое света влечение жизни под землёй?

– К тому времени город что-нибудь придумает, изобретёт. Или, быть может, Атаки однажды так же резко прекратятся, как начались, и люди вновь выйдут на поверхность, и наконец научатся жить в гармонии с дикой природой.

– Едва ли... – мой скепсис зашкаливал. – Какие источники энергии питают город?

– Видела озеро на подходе к горе? У нас отличная гидроэлектростанция. Ещё есть более слабые по отдаче ветряные мельницы и неплохие запасы солнечных батарей.

– Что ещё у вас есть, помимо инженерии и энергетики? Как вы умудряетесь прокормить всё многотысячное население? Производите продукты питания? Какие?

– Овощи и фрукты ста двадцати видов выращиваются на нижнем ярусе в теплицах.

– Недурно.

– Очень недурно. Также у нас есть животные и птицы: коровы, бараны, козы, свиньи, альпаки, куры, гуси, индейки... Список большой. Даже есть собаки и кошки. Рыбу мы добываем из местного озера, животных кормим травой, которую в долине добывают специализированные отряды добровольцев, сформированные из Неуязвимых. Ещё у нас есть производство собственного шоколада, печенья и мороженого.

- А это уже даже роскошь. У вас, похоже, всё схвачено...

- Не чешись, - совершенно неожиданно оборвал меня на полуслове собеседник, и в этот момент я поняла, что действительно чешу всё ещё зудящую новую кожу на кулаках.

- Что ещё есть в вашем городе, что могло бы показаться мне необычным?

- Из режущего слух: понятия Неуязвимых и Уязвимых ввелись здесь не сразу, так что иногда ты можешь слышать такие обозначения как "воздушный" и "не воздушный", "слышащий" и "глухой". "Воздушные" знаки зодиака и "глухие" для Атак - это Неуязвимые, "не воздушные" знаки зодиака и "слышащие" Атаки - это Уязвимые.

Наш диалог прервал возникший возле нашего столика официант: худощавый парень примерно моего возраста, в форме коричневого и белого тонов. Установив передо мной чашку с горячим шоколадом, он, встретившись со мной взглядом, улыбнулся.

- Большое спасибо... - решила поблагодарить за подношение я. Вместо того, чтобы ответить мне хоть что-то, парень решительно проигнорировал моё обращение - резко развернулся ещё в момент, когда я была на половине фразы.

- Приветливость здесь не приветствуется? - сдвинула брови я, посмотрев на сидящего передо мной Конана.

- Где бы ты ни была: обслуживающий персонал в форменной одежде коричнево-белых тонов - глухой.

- То есть как это?.. Совершенно глухие люди? - недоумённо округлила глаза я. - И ты хочешь сказать, что их достаточно много? Но как это...

- В первый год после Первой Атаки многие Уязвимые, прежде чем нашли этот город, осознанно лишали себя слуха, чтобы облегчить свои муки во время Атак.

- Это как?.. - я понимала, как. Скорее, я не понимала глубины ужаса этой информации.

– Самый проверенный способ: прокалывание барабанных перепонки спицами. Но мне случалось встречать и более изощрённые варианты. К примеру, один известный мне парень залил себе в уши расплавленный воск. Сейчас жив и здоров, только совсем ничего не слышит. Работает с животными на ферме, – рассказчик почесал затылок. – Глухим, конечно, сложнее найти хорошую работу, но правительство старается не бросать таких Уязвимых на произвол судьбы, так что в основном эти люди состоят в обслуживающем штате: официанты, уборщики, скотоводы.

Услышав столь жуткое пояснение, я вдруг вспомнила о двух, на первый взгляд совершенно не связанных между собой, людях: о Талии, добровольно оглушившей себя на одно ухо, и о Ригане Данне, а точнее о фразе, написанной под его фотографией, которая высвечивалась в этом удивительном городе чуть ли не из-за каждого угла: “Президент позаботится о вашем безопасном будущем”. Прошлое – опасно, будущее – безопасно. Вроде как неплохо. По крайней мере, звучит вдохновляюще.

Пригубив чашку с горячим шоколадом я невольно приоткрыла глаза и на секунду замерла от всколыхнувшего моё нутро вкусового фейерверка.

Глава 7

После ресторана Конан проводил меня до лифтов и объяснил, как добраться до капсульных апартаментов: после выхода на необходимом этаже два раза направо, после чего непрерывно прямо до опознавательного знака “Капсулы”. Это было несложно. Но далековато. В коридор, в котором располагалась моя восьмьсот двенадцатая капсула, я завернула лишь спустя полчаса, и сразу же столкнулась с Лив и Кеем, стоящими возле моей капсулы. Оба были полностью одеты в новую одежду, в отличие от меня, отдавшей предпочтение обновить свой гардероб только наполовину.

– Джекки, где ты была?! – радостно воскликнул Кей и, подбегая ко мне, подпрыгнул до уровня моих глаз. – Мы уже начали беспокоиться! Думали, что, может, тебя трапперы какие-нибудь заграбастали.

– Никто меня не заграбастал, мелкий, – ухмыльнулась я, почесав парнишку кулаком по голове. – Я была на медицинском осмотре, после которого обедала с Конаном. Правда здесь здорово кормят? Суп, пицца, горячий шоколад!

– Суп, пицца, горячий шоколад? – Лив обдала меня недоверчивым взглядом. – На завтрак мы ели слипшуюся рисовую кашу с изюмом и запеканку неизвестного происхождения с горьким чаем, а на обед у нас был пережаренный картофель с котлетой не иначе как из енота.

– Вовсе и не из енота! – бойко возразил, вырвавшийся из моей хватки Кей. – Каша с изюмом и запеканка были сладкими, и горячий чай к ним отлично подходил, а картошка была хрустящей и вкусно посоленной, как я люблю, и котлета была вкуснейшей!

Ну ясно. Оптимизм против пессимизма, как, впрочем, всегда.

– Никаких пицц, супов и горячих шоколадов нам не перепало в этой зачуханной столовке с шатающимися ножками стульев, – скрестила руки на груди Лив. – Ты вообще где ела?

– Конан сводил меня в ресторан.

– Я видела на среднем ярусе пару кафетериев и выставленные перед ними меню. Судя по ценам, чтобы поесть там, нужно иметь при себе целое состояние. И это только кафетерии. Сколько же стоит поесть в ресторане?

– Не знаю, – мне вдруг стало неловко оттого, что я шиковала в ресторане, пока мои близкие питались в столовой. – Конан оплатил, я не видела счёта. У них здесь всё электронное – он просто приложил свой браслет к кассовому аппарату и расплатился, – теперь мне становилось неловко от осознания того, что Конан, оказывается, потратил на меня целое состояние. Почему я не задумалась об этом сразу? Может быть потому, что я отвыкла от всего этого... – Как вы спали? Я, кажется, выспалась на год вперёд, – я решила сменить тему.

– Всю ночь глаз не сомкнула, ожидая, когда за мной придут, чтобы разобрать на части, – опустив руки, с досадой и некоторой долей грусти призналась Лив.

– Я только не знал, как отключить этот телевизор со светящимся президентом, но скоро привык и тоже крепко заснул, – пожал плечами Кей.

– Слышали объявление? – громким голосом поинтересовалась Крик, внезапно вынырнувшая из-за моей спины. – На кухне произошёл какой-то сбой, так что ужина сегодня не будет. Завязываем желудки на узлы, салаги. И отойдите от моей капсулы, а то выглядит так, будто вы хотите меня ограбить.

– Как будто у тебя есть что грабить, – закатывая глаза, прошла мимо нас Сомнение.

– Исходя из того, какого качества у нас была каша на завтрак, я не прочь один разок обойтись и без ужина, – усмехнулся подошедший к нам вслед за девушками Тонкий.

Меня снова укололо замечание по поводу качества местной кухни. И всё же я словила себя на мысли, что даже зная о том, что всем достанется каша-размазня, в то время как меня будут угощать мороженым, я бы не отказалась от ресторанной еды ради того, чтобы из солидарности к положению своих близких и знакомых присоединиться к общей столовой трапезе. Я впервые за последнее десятилетие действительно вкусно поела. И мне не стыдно за это. Мне хорошо.

Уже на следующее утро я поняла, о чём рассказывала мне Лив, когда с морщащимся носом вспоминала о столовой еде. Небольшая порция поджаренного омлета, переспевшие помидоры-черри, бледный чай и не воодушевляюще маленькое яблоко, по-видимому замещающее десерт. Этот скудный набор я получила на свой поднос, отстояв огромную очередь за выдачей завтрака, и теперь совершенно не предвкушала наслаждение пищей, особенно на фоне того обеда, который случился в моей жизни накануне. Однако в моей жизни случались завтраки и похуже, и даже недельные отсутствия завтраков, так что привередничать я точно не собиралась.

Пропустив мимо себя большую группу уставших по внешнему виду мужчин, измазанных то ли в мазут, то ли в смолу, я поставила свой поднос на стол, за которым уже сидели Лив, Кей, Мускул и Волос, и ещё два места оставались свободными, как вдруг кто-то уверенно положил на моё плечо сзади тяжёлую руку. Я сдвинула брови ещё до того, как обернулась. Увидев же перед собой лицо Конана я окончательно впала в хмурость.

– Не хочешь прогуляться? – невозмутимым тоном поинтересовался Данн.

– Я собираюсь завтракать... – мгновенно попыталась встать в стойку сопротивления я.

– Ты не поняла. Вопросительная интонация в этой фразе прозвучала только из-за моей врождённой вежливости. На самом деле ты хочешь прогуляться, Джекки.

Он говорил со мной таким тоном, словно я была в шаге от того, чтобы на моих запястьях щёлкнули наручники. В том, что случилось что-то серьёзное, я не сомневалась точно так же, как в том, что за сутки пребывания в этом месте я не успела сделать ничего из разряда серьёзного.

– Чур мне достанется твоя порция! – моментально включился Кей, уже подтягивающий к себе мой поднос. – А твоё яблоко я отдам Талии – ей сейчас нужны витамины.

Перед тем как последовать за Конаном, я бросила поспешный взгляд на сидящих за столом – никто из них, очевидно, не решил, будто у меня могут быть проблемы, а Лив как будто даже надулась. Может быть, мне только показалось?

Покинув обшарпанную столовую, я нагнала Конана только у лифтов:

– Сразу скажи: что-то произошло? – запыхавшись, уперлась руками в бока я в ожидании ответа.

– Да. Нужно кое-что обсудить.

– Обсудить? То есть это могло подождать до окончания завтрака?

- Естественно это может подождать до окончания завтрака.

- Ты издеваешься? Кей уже наверняка умял мою порцию.

- Не переживай, я обеспечу тебя новой.

- Ты что, таким мудрёным образом приглашаешь меня на завтрак?

- Нет. Ты ведь ясно дала понять, что между нами ничего не может быть. Поэтому я приглашаю тебя обсудить одну интересную и важную для тебя тему. А завтрак просто прилагается.

- Признайся: ты просто хотел спасти меня от этого стрёмного омлета, - прищурилась я.

В ответ Конан лишь широко заулыбался. Более красноречивого ответа он не смог бы придумать.

Уже спустя пятнадцать минут мы оказались в том же ресторане, в котором обедали накануне, за тем же столиком. Конан взял себе тосты с ветчиной, салат и чай, я взяла себе тосты с рыбой, салат, вафли с мороженным и молочный коктейль. Сегодня я обратила внимание и на цены в меню, и на пустующие в этом заведении столики.

- Откуда у тебя столько денег, чтобы позволять себе не только питаться в подобном месте, но и угощать кого вздумается? - уже после того, как покончила с вафлями, решила начать разбалтывать собеседника я. - Ты внук Ригана Данна - в этом дело?

- Ты меня только что унизила. И это после того, как я тебя покормил.

- Что, ты не "любимый внучек" знаменитого деда? В любимчиках у него Айзек?

– В любимчиках у него как раз я. Но у нас не такие отношения. Свои деньги я зарабатываю самостоятельно.

– И каким же образом?

– Один новоприбывший в этот город стоит тысячу монет. На тысячу монет я могу прожить три месяца в роскоши или полгода в усреднённых условиях. Мы с Айзеком только что привели в город группу из одиннадцати человек. Каждый из нас заработал одиннадцать тысяч монет. По сути, я могу не работать следующие пять лет и при этом вполне комфортно себя чувствовать.

– То есть ты сейчас угощаешь меня за деньги, которые заработал на мне же?! – на моих губах заиграла удивлённая ухмылка.

– Нет, Джекки. Ты сейчас ешь здесь только потому, что я привёл тебя и твоих близких в этот город.

– То есть я должна быть благодарна тебе до скончания своего века?

– То есть ты можешь просто попытаться не быть такой занозой.

– Забудем про занозы. Отмотаем назад. Ты сказал, что за нас вы с Айзеком получили по одиннадцать тысяч монет каждый. То есть сумма за новоприбывших не делится на всех добровольцев, нашедших и приведших людей в город, а умножается на их количество?

– Именно.

– Звучит недурно.

– Вот только есть один нюанс: искать выживших в одичавших землях – всё равно что просеивать речной песчаник в надежде найти в нём золото. В округе выживших физически и при этом не выживших из ума людей практически не осталось. Случаются иногда прохожие. Но чаще всего вылазки не приносят плодов и, бывает, заканчиваются трагически – добровольцы зачастую не возвращаются в город из одичавших земель. Становятся жертвами трапперов, слетевших с катушек Неуязвимых или Уязвимых, или самой природы.

– А вот это уже звучит опасно, – я слегка приподняла брови. – Хорошо, я поняла, что ты при деньгах благодаря своим заслугам, а не заслугам своего деда. Скажи мне лучше, что за вопрос ты хотел со мной обсудить, ради которого вытаскил меня из навевающей упадническое настроение столовой?

– Вы новоприбывшие, поэтому вам выделено некоторое время для акклиматизации, но в ближайшее время вас всех определяют на работу.

– Определят? – а вот на этом моменте мои брови придвинулись к переносице. – То есть мы не можем самостоятельно выбрать себе дело, которым хотели бы заняться?

– Реалии постапокалиптического мира: ты делаешь то, что полезно, а не то, что тебе хочется.

– А вдруг понятия “полезно” и “хочется” совпадают? В таком случае я могу заняться тем, чем хочу?

– Подобная вольность возможна только по рекомендации высших чинов. – При этих словах он с интересом прищурился. – А ты что же, уже знаешь, чем хочешь заняться?

– Ну, знаешь, ты очень вкусно прорекламировал добровольческие отряды, – я поставила предплечья на стол и слегка пригнулась вперёд, таким образом заглянув собеседнику прямо в глаза.

– Работа не из лёгких.

– Ты забыл с кем разговариваешь? – повела одной бровью я. – Я бы справилась, вот только у меня нет ни одного знакомого среди высших чинов, который мог бы дать мне рекомендацию на должность добровольца.

Пятисекундная пауза, давшая свои плоды.

– Я переговорю со знающими людьми. Возможно, у меня получится что-то сделать с твоим безумным желанием. По крайней мере, ты сможешь себя испытать.

Для меня услышанное было смешным: я десять лет прожила вне этого отполированного города – что он, в конце концов, думает обо мне? Что мне повезло? В таком случае, он очень крупно ошибается на мой счёт. Везение в моей истории выживания хотя и присутствует, всё же большая доля в ней отведена крови и поту.

– Ты что же, из высших чинов? – наконец хмыкнула я.

– Я командир одного из самых успешных отрядов добровольцев.

– Твой отряд состоит всего-то из тебя да Айзека.

– Важно не количество – важно качество. И, кстати, вернёмся к информации о том, что я, как ни крути, но всё-таки являюсь одним из двух внуков Ригана Дана, – это утверждение он произнёс со странной интонацией, будто не очень-то желал ассоциировать себя со своим знаменитым дедом. – Он хочет познакомиться с кем-нибудь из последней пришедшей в город группы новоприбывших. Одиннадцать спасённых человек – это большое достижение, которого не случилось в истории города со времён первого года после Первой Атаки. Будешь представительницей вашей группы?

Так вот о чём он на самом деле хотел со мной поговорить: знакомство с президентом Подгорного города. С его дедом. Хм...

– Почему ты не предложил это знакомство кому-нибудь другому? Мускулу или Рейнджеру, например. На первый взгляд, они выглядят посolidнее меня.

– Ты интереснее.

От услышанного я едва не сорвалась, чтобы отвести взгляд в сторону, но всё же удержалась от импульсивного позыва. Как и удержалась от вопроса о том, интерес какого именно рода и характера я вызвала конкретно в нём. Скорее всего, я знала безошибочный ответ на этот вопрос. Нравится ли мне этот ответ? Это уже другой вопрос.

Глава 8

– Жаклин Киттридж! – пожимая мою руку, неожиданно безошибочно назвал моё имя Риган Данн ещё до того, как я успела представиться ему.

Старик оказался моего роста, полностью седой, с ухоженной, короткой белой бородой и строгими чертами лица. Одет он был в классический чёрный костюм, на ногах у него были начищенные до блеска туфли.

– Просто Джекки, – я улыбнулась, смотря в вызывающие доверие, ярко-голубые глаза того, кто всегда был готов встретить меня на каждом шагу в этом городе голубым свечением с экрана.

Мы с Конаном поднялись на верхний этаж и вскоре оказались в президентском крыле, в котором было много отполированной деревянной отделки и красных ковровых дорожек. Кабинет президента располагался в самом конце коридора и вход в него был украшен позолотой, но самое главное украшение этого помещения было скрыто внутри: панорамное окно занимало половину западной стены и открывало взору пейзаж такой красоты, что у не привыкшего к такому зрелищу человека могло перехватить дыхание.

– Конан очень скрытен, отчего не много рассказывал мне о вас, поэтому я решил познакомиться с представителем вашей группы лично, – с этими словами старик Данн улыбнулся Конану, стоящему у меня за спиной.

– Оу... Ну, я не то чтобы представитель группы...

– Одиннадцать спасенных человек, надо же! – Не услышав моего замечания, президент с гордостью хлопнул Конана по плечу. – Это неоспоримый рекорд последних девяти лет. – Он снова перевёл взгляд на меня. – Как вам наш город, Джекки? Нравится ли он Вам?

– Да, – коротко ответила я, пытаюсь понять свои смешанные чувства. Наверное, они смешались из-за того, что прежде чем познакомиться с этим влиятельным человеком, я успела составить о его личности смутное представление из тех крупниц, которые невольно насобирала из старых и новых телеэкранов, но это моё преждевременное представление неожиданно не совпало с увиденной

реальностью. Передо мной стоял очень улыбочивый и кажущийся открытым нараспашку, пожилой человек. Этот образ никак не вязался с образом трафаретного политика.

– Вам тоже нравится эта величественная панорама? – словив мой взгляд на открытой для обзора стене, бодро поинтересовался президент.

– Вы Неуязвимый? – бесцеремонно поинтересовалась я, лишь спустя секунду поняв, что, наверное, вопрос прозвучал слишком прямо в лоб. Однако старика моя прямолинейность, похоже, вовсе не смутила, что сразу же принесло в его копилку ещё один положительный балл.

– Нет, к сожалению, я не воздушный, – блеснул белыми зубами старик. Я сразу же вспомнила свой вчерашний разговор с Конаном: “воздушный” значит “Неуязвимый”. – Понимаю, чем вызван Ваш вопрос. Вы знаете, что наших Уязвимых спасает от сильных болевых приступов во время Атак глубина, на которой находится наш город. В таком случае панорамное окно, да ещё на такой высоте, должно было бы ежедневно истязать меня.

– Но оно не истязает Вас? – в удивлении приподняла брови я.

– Видишь ли, Джекки, я продвинутый Уязвимый.

– Что это значит? – я искренне не понимала.

– Это значит, что являясь Уязвимым, мой дед не испытывает таких сильных мук, которые испытывают обычные Уязвимые, – не особенно воодушевлённо ответил за старика Конан.

– Вернее будет сказать, что Атаки для меня практически бесчувственны, хотя не полностью, как для Неуязвимых. Я чувствую примерно десять процентов дискомфорта из ста отведённых Уязвимым.

– Но... Как это возможно? – теперь в моём голосе засквозило неприкрытое недоумение. – И как много в городе таких не подверженных Атакам Уязвимых?

– Я единственный, – не без гордости в тоне ответил старик. – Из-за этой моей “особенности” многие люди считают меня избранным, посланным спасти Уязвимых от отведённых им несправедливых страданий, что, впрочем, недалеко от правды, ведь на протяжении последнего десятилетия я спас столь многих людей: обратил военную базу в город и вдохнул воздух в его пока ещё слипшиеся лёгкие новорождённого. И всё же правда заключается не в моей фантастической избранности, а в моей воле. Каждый день с самого момента Первой Атаки я проводил время в этом кабинете у этой панорамы и принимал брошенный мне природой вызов – я день за днём переживал боль, чтобы однажды подавить и приручить её. Я просто смотрел своей боли в глаза, не сдался ей и, в итоге, стал сильнее от неё, сильнее её самой.

Его слова звучали по-военному восторженно.

– Это вовсе не может быть простым, как вы утверждаете, – мотнула головой я. – Там, вне этого города, всё ещё живы многие тысячи Уязвимых, ежедневно сталкивающиеся с вашей проблемой – с Атаками, которые они не могут контролировать и тем более не могут их приручить.

– Кто-то должен быть первым, чтобы появились вторые, третьи, десятые, – улыбаясь, доверительно заглянул мне в глаза старик, и золотистая брошь на его вороте вдруг подмигнула мне блеском. – Однажды я смогу научить и других Уязвимых жить без животного страха перед Атаками. Я сделаю всё возможное, чтобы люди вновь смогли свободно жить на поверхности. Если я смог контролировать свою реакцию на Атаки, значит и другие, более молодые и энергичные поколения, смогут этого добиться, смогут подчинить себе Атаки.

– Ваши мечты глобальны, – заметила я.

– Все надеются на то, что Атаки однажды так же резко прекратятся, как начались, и тогда люди вновь смогут спокойно жить на поверхности земли. Я же не жду поблажек от природы или чуда свыше. Я хочу, чтобы люди не теряли времени, чтобы светлое будущее было нашим настоящим.

– Президент позаботится о нашем безопасном будущем? – с улыбкой процитировала слова с рекламного баннера я.

– Именно, – мгновенно просиял мой собеседник. – Как же это удивительно, что такие молодые люди вроде Вас, Джекки, понимают философию такого старика, как я. Это значит, что я ещё не износился, что у меня ещё есть время сделать свой вклад ради Вас, ради вашего поколения, ради человеческого будущего.

Передо мной стоял удивительный человек. Его жизнь была на исходе и всё же он этого словно не замечал – он грезил о будущем так, будто собирался жить вечно.

Ещё несколько минут Риган Данн рассказывал мне о том, сколь многого он смог добиться в своём стремлении спасти человечество и сколь многого ещё успеет достигнуть всего лишь за ближайшее десятилетие. Он говорил о мечтах сотен тысяч, а может даже миллионов выживших не только в Подгорном городе, но и за его пределами, и говорил он о них так, будто они были не мечтами вовсе, но осуществимыми уже в скором будущем целями. Он был способен подарить надежду одним только своим примером: Уязвимый, покоривший Атаки одной только силой воли. Его было интересно слушать, и только в конце нашей встречи я заметила, что его слушала только я. Отошедший в сторону Конан отстранённо смотрел в панорамное окно и, кажется, своими мыслями пребывал где-то совсем далеко, возможно за теми низкими облаками, которые он рассматривал.

Интересно, каково это – являться внуком человека, безраздельно взвалившего на свои плечи ответственность за судьбу целого человечества? Наверняка Конан безгранично гордится своим знаменитым дедом, его уже свершившемся достижением и его идеей о возвращении человечеству земной поверхности, а также его безудержным рвением превратить свою идею в реальность. Я бы на его месте гордилась таким необыкновенным родственником. А ещё всерьёз переживала бы за здоровье старика, судя по всему работающего буквально на износ. Ведь старик Данн и Айзек – единственные оставшиеся у Конана близкие люди. Что он чувствует, наблюдая за тем, как его дед ежедневно кладёт свою жизнь на алтарь служения своему народу? Чувствует ли, что поминутно теряет его?..

В конце встречи, когда Риган Данн сообщил, что ему пора обсудить некоторые организационные вопросы со своими советниками, Конан попросил меня спуститься на этаж ниже и подождать его у лифтов. Я отнеслась к этой просьбе с пониманием. Конан хотел поговорить со своим стариком наедине, хотя времени у того, судя по его спешке, оставалось немного. Что можно сказать за считанные минуты своему старику, прежде чем он в очередной раз вступит в бой за светлое будущее тысяч доверенных ему жизней? Едва ли это что-то, что сможет его остановить. Но стоит ли останавливать того, кто не умеет стоять?

Глава 9

Стоило мне выйти из лифта на среднем этаже, как моё внимание сразу же привлекло то, что по уровню потерянного в прошлом мире кайфа я поставила на пьедестал выше горячего шоколада: музыка. Музыкант стоял в двадцати метрах перед лифтами и играл на гитаре бодрую мелодию столь искусно, что я невольно заулыбалась. Поэтому меня удивило, что я стала единственной, кто подошла к нему и остановилась рядом: остальные прохожие обходили его стороной, словно боялись подцепить от играющего проказу. Пара человек бросили мелочь в установленную перед артистом чёрную шляпу, но сразу же поспешили прочь. Я же просто стояла напротив и широко улыбалась, не веря своим ушам: настоящая, живая музыка! Красивая, уверенная, исполняемая мастером своего дела... Меня определённо точно накрыл восторг. Музыкант же, с головой погруженный в свою игру, казалось, не замечал меня вовсе. На вид было сложно определить возраст этого мужчины: отросшие до плеч, жёсткие волосы цвета грязной соломы, легкая небритость, поджарость и отстранённость в бегающем голубоглазом взгляде. Старше тридцати, но на сколько – не понять: то ли ему только тридцать, то ли уже все пятьдесят.

Резко и совершенно неожиданно оборвав свою игру, мужчина вдруг посмотрел на меня в упор, хотя до сих пор делал вид, будто не замечает меня. Я же, продолжая улыбаться до ушей, сама того не ожидая от себя, вдруг решила похлопать в ладоши:

– Прости, у меня в карманах пусто, так что только аплодисменты.

– Внимание – высшая награда для творца, – с этими словами музыкант резко нагнулся и, подняв с пола шляпу, пересыпал заработанные честным трудом монеты в свою руку, облачённую в перчатку без пальцев. – Ты из новоприбывших?

– Откуда знаешь? – прищурившись, я спрятала руки в карманы.

– Легко догадаться.

– Как?

– В отличие от местных, ты не стараешься обойти меня – лезешь на рожон, – с этими словами мужчина прошёл мимо меня по направлению к лифту. Сама не понимая зачем это делаю, я вдруг последовала за ним.

– И что же в этом такого? Я просто остановилась послушать твою игру.

– Я из фундаментального яруса. Музыкантам запрещено играть на среднем ярусе, чтобы не отвлекать людей, занятых жизненно важными делами.

– Но музыка – это жизненно важно.

– Прекрасно, что ты так считаешь, сладенькая, но плохо, что не все в этом месте разделяют твою позицию, – с хрипотцой отчеканил мужчина, пока я пыталась вспомнить о том, что такое “фундаментальный ярус”. Конан рассказывал только про три яруса города: верхний – сливки, средний – посредственный, нижний – отстойник. Про фундаментальный ярус он ничего не упоминал. – Таких как я за нелегальную игру на среднем ярусе вяжут добровольцы, отвечающие за местный правопорядок. Один раз сыграешь и попадешься – месяц будешь отрабатывать свою дерзость на общественных работах.

– Может, стоит получить разрешение? Какую-нибудь лицензию, позволяющую играть на среднем ярусе?

– Таких здесь не водится. Играть разрешено только внизу.

– Но ты всё равно играешь здесь.

– Здесь публика побогаче, – с этими словами мужчина продемонстрировал мне крупную монету, которую перед этим достал из шляпы. – За эту штуку я смогу неделю сытно питаться. Риск оправдан. Сечёшь?

– Секу, – прикусила нижнюю губу я. Я прекрасно знала, что такое риск и что есть его оправданность.

Двери лифта распахнулись перед нами, из них сразу же вывалилась пёстрая толпа. Пропустив её музыкант зашёл в лифт и вдруг зажал кнопку, явно придерживая спешащие закрыться двери. Наши взгляды встретились, но я так и не поняла намёка.

- Чего стоишь, раз сечёшь?

- М?.. - одарила непонимающим взглядом своего нового знакомого я, при этом спрятав руки за спину и слегка вытянув шею вперёд.

- Поехали уже. Покажу тебе одно место, в котором люди думают примерно твоими мыслями. Тебе должно понравиться.

Не задумываясь о последствиях своего спонтанного решения, я вдруг поспешно шагнула в лифт, как раз в тот момент, когда один из соседних лифтов выплюнул из себя очередную пачку пёстрой городской толпы.

Стоило мне переступить порог лифта, как музыкант нажал на кнопку "-1". Всего кнопок в лифте было три: -1, 1 и 2.

- Мы что, едем вниз? - вдруг немного напряглась я.

- Ну не наверх же, прямиком в покои нашего обожаемого президента, - саркастически и с присущей ему хрипотцой отозвался артист.

- Ты сказал, что хочешь показать мне место, в котором люди думают примерно так же, как я. Это как?

- Это так: творчество и искусство - это жизненно важно. И плевать на правила выживания. Есть жизнь - нет искусства - равно: обречённость общества на пустоту в головах и сердцах. Пусть себе выращивают скот на фермах и вырабатывают энергию на электростанциях, что, безусловно, продлит их жизни, но без истинного искусства... Людей не спасёт ни наличие пищи, ни наличие крыши над головой - ничего. Изыми из общества неподдельное искусство, замени его примитивом и пристрасти к нему всех поголовно, и любая цивилизация, целое человечество будет обречено на вымирание. Сколько бы у людей ни было ресурсов, отсутствие нравственности, возвращаемой культурой,

их погубит. Уже губит.

Уже губит? Это утверждение сильно отличалось от того, которому я вняла ещё пятнадцать минут назад в кабинете Ригана Данна. Умеют ведь творческие люди сгущать краски.

Мы проехали в молчании ещё минуту, по истечению которой лифт наконец остановился. Как только двери перед нами разъехались, мои глаза сразу же округлились от удивления: перед нами предстал плохо освещённый, в основном от мигающих неоновых вывесок, холл, совсем не похожий на тот, что располагался на уровне выше. Мрак, запах пыли и тлена, возможно даже местами серьёзная грязь, непонятные механические шумы со всех сторон, громкие человеческие голоса и фоном чей-то необузданный смех...

- Добро пожаловать на фундаментальный ярус, новоприбывшая.

Музыкант одарил меня заинтересованным взглядом, явно пытаюсь впитать в свою память мою первую реакцию: округлившись глаза, чуть приоткрывшийся рот - растерянность и... Интерес.

Глава 10

На первый и даже десятый взгляд нижний ярус представлял собой злачное место. Здесь не было вездесущего электрического освещения: жёлтый свет исходил только от редко встречающихся фонарей, напоминающих уличные, и от мигающих неоновых вывесок зелёных, синих и красных цветов, подвешенных у входов в разношерстные заведения. Пока мы шли я увидела вывески не внушающих доверие тесных баров с разбитыми или попросту отсутствующими окнами, двух игровых заведений, внутри которых мигали всеми цветами радуги автоматы и оглушающе звучала электронная музыка, нескольких барахольных лавок с чудоковатыми аксессуарами вроде ловцов снов с пауками в центре, угловатого офиса профессиональной гадалки и даже одного борделя, возле которого стояла то ли бородатая женщина, то ли мужчина с накладной грудью. Людей здесь было много, даже больше, чем на среднем ярусе. В основном все куда-то спешили, многие находились под явным градусом. Воздух здесь был спёртым и сильно прокуренным - наверняка на этом ярусе имеются серьёзные

проблемы с вентиляционными шахтами.

Пока я глазела по сторонам, музыкант, исполняющий роль моего проводника, вдруг резко завернул в какое-то заведение. Прежде чем последовать за ним, я подняла голову и прочла название этого места, синим неонам красующееся на деревянной вывеске: “Поющий Поэт”.

Напряжение внутри меня с каждой секундой всё отчётливее нарастало, но нарастало оно пропорционально моему пульсирующему интересу, так что я уверенно перешагнула порог этого заведения, которое, неожиданно, оказалось смесью чего-то странного. Здесь были столы со стульями, два бильярдных стола, крупногабаритная барная стойка у правой стены, небольшая и сильно обшарпанная сцена, что наводило на мысли о баре, но слева от входа, без каких-либо перегородок, функционировал настоящий тату-салон, занимающий всю северную часть заведения. Бар-тату-салон?.. Я немного зависла.

Столики были переполнены, вокруг бильярдных столов толпились подозрительного вида мужчины, в тату-салоне, над разукрашенными в чернила телами, работало одновременно несколько мастеров. И всё это при экстремально тусклом освещении...

Злачноватое местечко, на первый взгляд никак не вяжущееся с таким тонким искусством, как поэзия.

Беспокойно сглотнув, я направилась к барной стойке, которая выглядела более свободной и у которой только что остановился мой проводник. Однако стоило мне занять барный стул, как музыкант, не смотря на меня, отошёл от стойки и вскоре скрылся за кулисами, оставив меня ошарашенно смотреть в сторону его остывающего следа. Впрочем, долго испытывать растерянность на его счёт мне не пришлось. Внезапно на барную стойку, прямо передо мной, с такой силой была поставлена целая пинта с чем-то по цвету отдалённо напоминающим пиво, что я подскочила на стуле. Сначала я посмотрела на источник шума – на пинту – и только потом на установившего её передо мной. По ту сторону барной стойки оказался низкого роста мужчина с неожиданно добрым, открытым лицом и одной из самых искренних улыбок, которые мне приходилось видеть в своей жизни.

– Я не заказывала, – с этими словами я отодвинула от себя пинту назад бармену.

Неожиданно мужчина сильно зажестулировал, начав странно шевелить пальцами рук. Только через несколько секунд я поняла, что он пытается что-то сказать мне на настоящем языке жестов.

- Не понимаю... - отрицательно замотала головой я.

- Он говорит, что ты ему понравилась, поэтому он безвозмездно угощает тебя нашим лучшим пойлом, - внезапно пробасил некто, вышедший из мрака, разливающегося за спиной немого человека.

Сурдопереводчиком оказался очень высокий, мускулистый мужчина с татуировками на обеих руках. У него были густые тёмные волосы и отросшая борода, которые были красиво, и одновременно небрежно подстрижены, и уложены. Ещё одни добрые глаза?..

- Как сказать ему спасибо? - с уверенностью, равно пропорциональной моему нарастающему переживанию, поинтересовалась я.

В ответ громила ухмыльнулся мне - ему явно понравилась сила моего тона:

- Коснись кулаком сначала подбородка, затем лба - так выглядит спасибо на языке жестов.

Я проделала подсказанное мне телодвижение и в ответ от немого получила добродушную улыбку, и кивок головы.

- Его зовут Хуффи, - громила подошёл вплотную к стойке, остановился чуть левее меня и обоими предплечьями оперся о столешницу. Хотя на первый взгляд он и выглядел угрожающе, его голос звучал доброжелательно.

Немой добряк вышел из-за барной стойки с двумя пинтами пива и понёс их за дальний столик.

- Он один из тех Уязвимых, которые лишили себя слуха? - проследив за удаляющимся мужчиной сочувствующим взглядом, зачем-то поинтересовалась я.

– Хуффи глухонемой с рождения, поэтому, хотя и не является воздушным, неуязвим перед Атаками. – Услышав это, я сжала свои пальцы на стеклянном ушке пинты. Ещё один Уязвимый с неуязвимостью перед Атаками: сначала Риган Данн, теперь этот Хуффи. Громила продолжал биографический рассказ о своём друге. – Парня спасли на поверхности в третий год после Первой Атаки. Трапперы приняли его за Неуязвимого и чуть не пустили на артефакты. Его спасла группа добровольцев, последний член которой почил с миром в одичавших землях месяц назад. Меня зовут Байярд, – собеседник внезапно протянул мне свою огромную руку, и я не задумываясь, вложив максимум силы в свою руку, пожала её. – Барбешопер в мире до Первой Атаки и бармен в мире после Первой Атаки. А ты кто такая?

– Джекки. Старшеклассница, вылетевшая из школьной скамьи и не успевшая влететь на университетскую.

– Звучит впечатляюще, – продемонстрировал в улыбке красивые зубы мой грозный, но только на первый взгляд, новый знакомый. – Можешь пить смело: если Хуффи угощает – значит это лучшее пиво из всего доступного. Если захочешь ещё – я угощаю.

– Откуда такая лояльность?

– Не разоримся, если один день будем угощать новоприбывших. Их здесь не так уж и много бывает.

– В городе? Или конкретно на этом этаже? – поведя бровью, я сделала первый глоток. Ледяное пиво и вправду оказалось отменным.

– Да ты уже кое-что сечёшь в местной фауне, – ещё шире заулыбался бармен.

– Откуда знаешь, что я из новоприбывших?

– Птичка одна на ухо насвистела. Та самая, что привела тебя к нам в гости, – он одарил меня красноречивым взглядом. – Как тебе фундаментальный ярус после среднего?

– Почему вы зовёте этот ярус фундаментальным? Разве он не обозначен нижним?

– Обыкновенная игра слов: фундаментальный от слова “фундамент”. Власти хотели назвать ярус нижним, но местные, по большей части обитающие здесь безвылазно, не согласились зваться низшими или нижними. Мы – неприглядный фундамент блестящего Подгорного города, без которого весь блеск и шик наверху уже давным давно рухнул бы. – Мне вдруг стало любопытно: переоценивает ли он значимость этого места или просто возвышает её? Бармен тем временем продолжал свои разъяснения. – Мы – настоящий народ этого города, а не те приспособленцы, что живут за наш счёт в блеске и роскоши. Большинству здесь просто не повезло оказаться первыми в этом городе и занять более сытное положение в паутине социума. Оглянись, – он размахнулся рукой в сторону бара, которым руководил, и я, оторвавшись от пива, посмотрела в направлении, в котором он указывал. – Большая часть всего этого народа – бывшие новоприбывшие. Мало кто был здесь с момента Первой Атаки. Люди в этом месте, знаешь, до крайности разные, а потому все без исключения интересные. Видишь вон того лысого парня, клеящего рыжеволосую Бри у стены? У него на шее очень интересный артефакт – человеческий сустав с гравировкой “От лучшего друга”. Но он не траппер. Он Уязвимый, которому его лучший друг, перед тем, как покончить жизнь самоубийством, подарил эту украденную у трапперов кость какого-то несчастного Неуязвимого. Благодаря этой кости этот парень продержался в одичавших землях без малого три года, прежде чем его нашли добровольцы Подгорного города. А видишь вон того хмурого парня, скучающего под неоновой вывеской? Тоже Уязвимый. Один из последних старых новоприбывших. На протяжении пяти лет выживал тем, что употреблял кровь своих Неуязвимых дружков, которых в итоге казнили трапперы. Утверждает, будто подобная выпивка защищает от Атак в разы лучше, чем артефакты. Парень из отшельников, может даже социопатов: поговаривают, будто он до сих пор иногда заливается кровью Неуязвимых, приплачивая за её поставки всяким дошедшим до края оборванцам. А видишь вон того блондина, сидящего у фрески тату-мастерской? Нет, не туда смотришь, чуть левее. Да вот этот, с татуировкой на всю правую щеку. Неуязвимый траппер. Удивлена, что Неуязвимый обратился в траппера? А ведь его история очень романтична: батрачил на трапперов три года, чтобы выкупить у них девушку, которую любил. И он смог её выкупить. Но счастье длилось недолго: спустя год Джульетта сорвалась с какого-то утёса. Несчастный случай во время погони от очередной злобной коалиции трапперов. Чуть позже прибитый печалью парень прибил к Подгорному городу и теперь ведёт здесь одну из самых распутных жизней, существующих на всех трёх ярусах. Спит с проститутками из нижнего яруса, одинокими женщинами из среднего яруса и женами политиков из верхнего. Когда-нибудь его точно порежут обманутые мужья, пока он легкомысленно заливается пивом в моём баре.

– Так ты не просто бармен? Этот бар принадлежит тебе? – я уже выпила полпинты, так что эмоцию удивления не скрыла.

Прежде чем Байярд успел ответить, рядом со мной на барный стул внезапно рухнула костлявая женщина в серой рясе, с растрёпанными каштановыми волосами, уже пронизанными первыми лучами седины, и безумным взглядом. Не обращая внимания на моего собеседника, она буквально вцепилась в меня своими глубоко посаженными, горящими ненормальными угольками, глазами:

– Новенькая? Воздушная или не воздушная? Слышащая или глухая? Наше сообщество радо каждому Неуязвимому! – с этими словами незнакомка вlepила в барную стойку рядом с моей пинтой засаленную листовку такого же фиолетового оттенка, которого был приобретенный мной в медицинском крыле браслет, который я носила вывернутым, чтобы лишний раз не демонстрировать любопытствующим прохожим свою принадлежность.

– Шагай отсюда, Милдред, видишь же, что мы разговариваем, – с этими словами Байярд протянул женщине стеклянную рюмку с напитком подозрительного ядовито-зеленого цвета. Радостно сверкнув разбитыми зубами, женщина схватила предложенную ей рюмку и поспешила удалиться с ней в один из тёмных углов.

– Что это? – кончиками пальцев взяв грязную листовку, на которой было выведено лишь три слова – “Общество нового поколения”, – поинтересовалась я.

– Фанатики очередной псевдорелигии. Сбились в группировку несколько лет назад и до сих пор никак разбиться не могут, – хмуро и с заметным презрением в тоне ответил Байярд. – Поклоняются символам воздуха, разделили их на какие-то степени эволюции и молятся на них. Практикуют нездоровые дыхательные практики под действием дури. Зодиакальный знак весы у них ассоциируется с вдохом, водолеи с покоем, то есть с моментом между вдохом и выдохом, близнецы с выдохом. Обкуриваются и таскаются за Неуязвимыми, как за проводниками в светлое будущее, которое им мерещится под кайфом. Заблудшие души, стоящие на краю пропасти, из которой назад нет хода. Отдай сюда, – с этими словами он буквально вырвал из моих пальцев листовку, после чего порвал её в клочья. – Тебе это не нужно.

– Это что, забота? – едва уловимо ухмыльнулась я.

- Ты новоприбывшая, многого не знаешь. Просто постарайся не водиться не с теми людьми.

- И как же мне понять, кто “те” люди, а кто “не те” люди?

- Например я - “тот” человек, а Милдред - “не тот” человек. Так понятнее?

- С чего вдруг я должна тебе доверять?

- Доверяй не мне. Доверяй себе, - он ткнул указательным пальцем в моё левое плечо. - Твоя интуиция должна быть хорошо развита, раз уж ты проторчала в одичавших землях целое десятилетие, выжила и при этом не потеряла ни одной конечности, и даже рассудка.

- И всё же... - Я прищурилась, распознав в говорящем великую внутреннюю силу. Он был непростым человеком. Не просто барменом и не просто владельцем захудалого бара. - Кто ты такой?

Вместо ответа мой собеседник внезапно так громогласно хлопнул в ладоши, что эхо от этого действия моментально заглушило общий шум. Он повторил свой хлопок, и музыка вдруг прекратила играть. Ещё один хлопок ладонями пришелся по поверхности барной стойки. Только после третьего хлопка я поняла, что он начал выстукивать неизвестную мне мелодию - все присутствующие, за исключением меня, внезапно принялись вторить ему: кто-то хлопал в ладоши, кто-то бил бокалами по столам, кто-то стучал игровыми киями о пол, но каждый хлопок звучал в унисон. Вскоре хлопки слились в полноценную мелодию, и мой собеседник, ещё более неожиданно, смотря мимо меня в зал, на свой импровизированный оркестр, запел глубоким тембром с хрипотцой:

«Где-то под небесами прозвучал горн,

раскрылся для звука того купол земной

и в океан жизней отплыл первый чёлн -

я слышал, как он проплывает рядом со мной,

я видел, как он уносит моих дорогих,

я чувствовал, как он несёт не моих,

меня же не взял он, оставил блуждать

по пустоши мира. Из пепла восстать

едва ли сумеет рухнувший мир:

кто не артефакт, тот его смастерил,

кто глух для Атак, тот цель для того,

кто ищет себе материал с топором,

кто выжил, хотя для Атак уязвим,

тот траппером стал – клыки отрастил.

И нет в этом мире теперь никого,

кто б новые правила переборол.

Едва ли, едва ли спасётся сей мир:

и пусть Уязвимый ты, Неуязвим,

хоть траппер, хоть клык, хоть артефакт -

ты будешь бороться с начала и до конца,

а значит познаешь не раз и не два

слова: «Всё во имя, но не тебя.

Ты будешь блуждать, проблуждаешь всю жизнь,

найдёшь ценность там, где не водится их,

ты будешь один, ты будешь вдвоём,

ты будешь... А после... Все мы умрём.

И будут над нами возрастать и цвести

цветы.

На звёзды сквозь них однажды согласишься и ты».

Последние двенадцать строк пели все присутствующие в этом баре, даже безумная поклонница псевдорелигии Милдред. Стоило песни завершиться, как все хором, громко заухали и начали стучать столами и стульями, словно только что всем скопом увидели победу любимой бейсбольной команды.

– Я знаю кто ты! – спустя полминуты, перекрикивая гул толпы, вцепилась взглядом в собеседника я. – Ты тот самый единственный поэт Подгорного

города?! Я слышала о тебе!

- Ты ведь новоприбывшая, где же ты успела услышать обо мне?! - усмехнулся бармен, скрестив на широкой груди раскаченные руки, украшенные простыми рисунками.

- Услышала о тебе от Данна!

- Ты дружишь с Даннами?! - брови поэта слегка придвинулись к переносице. - Со всеми?!

- Только со старшим! - я продолжала стараться говорить громче толпы.

- Со стариком Данном?!

- Да нет же, с Конаном! Но я знаю и Айзека! Братья Данн привели нас в город! Эту песню ты написал?! Она замечательная!

- Понравилась эта песня?! Тогда как тебе это:

«В жизни есть два очень важных решения:

куда идти и кого взять с собой.

Мне не важно общественное мнение -

оно почти всегда расходится со мной.

В жизни есть два очень важных момента:

кто-то когда-то спросит тебя сколько стоишь ты

и твои мечты. Если не разменяешь монету -

у тебя никогда на лбу не будет набито тату цены.

Больно бывает не дважды и не однажды,

главное всё - и боль и радость - достойно уметь принять.

Либо тебе никогда не утолить своей жизни жажду,

либо тебе в эту жизнь никогда с головой не нырять!».

- Не знаю кто ты такой, но я с тобой! - засияла глазами и широкой улыбкой я.

Достав из-под барной стойки две новые пинты, Байярд протянул одну мне, вторую взял себе, и мы с шумом чокнулись, едва не разбив в дребезги наши бокалы и пролив на свои руки всю пену. Лучшего пива я в своей жизни не пила!

Глава 11

После четвёртой пинты и одного похода в разрисованный граффити туалет - здесь даже толчок был разукрашен местными криворукими, либо просто оригинальными художниками, - я решила, что мне пора отказаться от угощения, хотя Байярд и хотел влить в меня, кажется, чуть ли не весь свой бар. Я охмелела достаточно, чтобы мои щёки залил румянец, а ноги и язык едва заметно заплетались, так что ещё одна порция пива мне явно была ни к чему. Уже покидая туалет я убедилась в этом наверняка, увидев, как за столиком напротив сцены, пятеро татуированных мужиков метают дротики в прибитый к стене плакат с изображением Ригана Данна и наперебой кричат о том, что им не

нужно, чтобы кто-то кроме их самих заботился об их светлом будущем. Это немного отрезвило меня. Я быстро вспомнила, что нахожусь в неизвестном мне, а потому не самом безопасном для себя месте, и что меня окружают сплошные незнакомцы, через одного владеющие угрожающей наружностью.

– Джекки, ещё по одной? Или тебе уже достаточно? – поинтересовался Байярд, стоило мне подойти к барной стойке. Рядом с ним стоял Хуффи. При виде меня он добродушно и с энтузиазмом заулыбался, и я ответила ему взаимной улыбкой.

– А если по состоянию мне достаточно, но я скажу тебе: “Налей ещё”?

– Я налью, но в таком случае тебя необходимо будет проводить как минимум до лифтов, из-за чего я лишусь своего Хуффи на целый бесценный час.

– Всё-таки ты заботливый малый, – прищурилась я, мысленно ухмыльнувшись тому, что слово “малый” этому громиле отнюдь не подходит. Я определённо точно начала захмелевать. – Пожалуй, не буду отбирать у тебя Хуффи.

– Может быть, тебя всё же проводить?

– До лифтов всего двести метров по прямой. Не заблужусь, – криво ухмыльнулась я и, взмахнув рукой, направилась к выходу. – Спасибо за угощение!

– Обязательно заходи ещё.

– Благодарю за приглаш... – последние слова я говорила уже выйдя в открытую дверь бара, но не договорила их из-за того, что с силой врезалась в плечо шедшего мимо человека. Извиняться я не собиралась, скорее желала посоветовать придурку смотреть куда прёт, как вдруг мои глаза встретились с глазами прохожего, и я замерла, сначала решив, что испытываю на себе визуальный обман. Это был не тот человек, которого я знала: волосы как будто потемнели, на лице щетина месячной давности, вокруг глаз нарисовались совсем неизвестные мне мимические морщины, но сами глаза... Сами глаза я знала!

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/dar_anne/otstupnica

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)